

Л. Н. ВОЙТОЛОВСКИЙ

Парнасские трофеи

(отрывок)

I

Все решительно таинства постиг, очевидно, Н. Гумилев. Маги, кудесники и чародеи, зелья и наговоры, «немыслимые травы» и «нездешние слова» так и кишат в его стихах. Одному лишь таинству он не сумел научиться — таинству неподдельной поэзии.

Юный маг в пурпуровом хитоне
Говорил нездешние слова,
Перед ней, царицей беззаконий,
Расточал рубины волшебства¹.

Его маги то и дело швыряют пригоршнями рубины, бриллианты и изумруды. Вся книга стихов так и названа «Жемчугами», которые разделены Н. Гумилевым на три сорта: «жемчуг черный», «жемчуг серый» и «жемчуг розовый». Одним словом, с виду совсем как у настоящих венценосных поэтов. Я старательно присмотрелся к этим «сокровищам немыслимых созданий», как называет их автор (с. 151)^{*2}, и должен с прискорбием засвидетельствовать, что эти камни — фальшивые.

Да и откуда им взяться — настоящим жемчужинам? Жемчуг, как известно, добывают на глубине, а у Гумилева все плоско, однострунно, медлительно, вяло и докучно, как осенние капли. Все темы его поражают своим внутренним холодом и тупым равнодушием к жизни: «Андрогин», «Кенгуру», «Северный раджа», «Маг в пурпуровом хитоне», «Там, где похоронен старый маг»,

* Здесь и далее №№ страниц проставлены автором по изд. Ж. 1910 (ред.).

«Император Каракалла», «Колдунья», «Воин Агамемнона», «Сон Адама», «Попугай» и т. п. Какие-то сонные мечты о чьих-то неизвестных приключениях, рассказанных чужими словами и одетых в заимствованные образы и заимствованные размеры.

Свои «Жемчуга» он преподносит в дар «моему учителю Валерию Брюсову», и это дает возможность его друзьям сразу наговорить ему кучу комплиментов, заносая этого вылощенного версификатора в одну компанию с большим художником слова. Но совершенно напрасно кричат они о «талисмানে, тайно врученном ученику»³. Не менее ревностно подражает Гумилев и Верлену, натираясь старинной пылью, которая таким поэтическим облаком обволакивает верленовское средневековье. И Блоку, и Гейне, и всем представителям новейшей французской антологии. Вообще, надо отдать справедливость Гумилеву: он очень внимательный читатель всех поэтов и никогда не пропустит случая позаимствовать. У одного берет он сравнение:

Луна плывет, как круглый щит,

повторяя, таким образом, известную строфу из тургеневской «песни торжествующей любви»:

Месяц встал, как круглый щит... (с. 7)⁴.

У другого заимствует тему и настроение:

Мне снилось: мы умерли оба... (с. 105)

или:

На площади людной царица поставила ложе,
Суровых врагов ожидала царица нагою... (с. 33)⁵,

повторяя в первом случае Гейне, а во втором — Сологуба.

У Блока копирует он его излюбленные размеры:

Вот парк с пустынными опушками

.....

Перекликаться любит выпь... (с. 71)⁶.

У Пушкина сдирает отдельные выражения: «двурогий месяц» (с. 50), «кот ученый» (с. 112) и др. У Саши Черного заимствует построение целых стрóf:

Хорошо по докам порта
И слоняться, и лежать,
И с солдатами из форта
Ночью драки затевать⁷.

И т. д. Но, конечно, всего больше и смелее — на правах ученика — берет он у Брюсова. Отсюда черпает он и мысли, и темы, и размеры, и все технические приемы. Но там, где Брюсов поражает своей классической строгостью и величавой формой, Гумилев — напыщен и вылощен. Где скупо замкнут, но лирически-грациозен учитель, там ученик его — неотзывчив, деревянен и апатичен. Где у Брюсова гармоническое движение образов, там у кописта его шуршат картонные маски, напаянные равнодушной рукой. Всюду, где Гумилев обнаруживает свое собственное лицо, в глаза бросается множество прозаизмов, тяжеловесных эпитетов, избитых фраз и эстетических несообразностей. Таковы: «угрожающее море», «чудовищное горе», «наводящие ужас зрачки», «скудость земли», «свирепые гвозди», «презренные плоды», «сонеты-бриллианты», «се — царь» и т. п.⁸ Таковы целые строфы, бесконечно-напыщенные, позирующие и вздорные:

Мне сразу в очи хлынет мгла

.....

И возоплю пред неизвестным... (с. 8)⁹.

И оттого, несмотря на множество поэтических образцов, которые носятся перед глазами у Гумилева, его стихи так нудно-однообразны, так неподвижны и патетически-анемичны. За исключением небольшой серии — «Капитаны» и двух-трех стихотворений из других отделов («Маркиз де Карабас», «Воин Агамемнона», «Театр»), поэзия его вся лишена движения и представляет собою стилистическое кладбище. По-видимому, он и сам чувствует это и прибегает к странному приему для оживления своих мертвых строф: он населяет их хищными птицами и хищными зверями. Почти нет ни одного стихотворения, в котором не было бы нескольких представителей четвероногого или пернатого царства. Так, на с. 1 — фигурируют бешеные волки, на с. 3 — пантеры, на с. 6 — пес и дикий бык, на с. 11 — «жадные волки», на с. 12 — бешеные собаки, на с. 16 — опять пантеры, на с. 18 — слон, лев, обезьяна и волк, на с. 21 — тигр, барс и волк, на 22 — коршун, на 25 — дракон. Перекидываю с<тралиц> 20 и смотрю наугад: на с. 45 — тигрица, на 49 — коршун, на 52 — слон и тигры, на 53 — волки. Снова пропускаю стр<аниц> 50 и вижу: на с. 101 — медведица и бешеный пес, на 104 — дикий конь, змей, росомаха и медведь, на 106 — выпь, на 111 — хорек, заяц, сороки, на 117 — «рыжие тюлени», на 127 — гиены. Беру, наконец, с конца, и там все то же: на 153 и 154 — один жираф, два носорога, буйвол и стая обезьян, на 157 — верблюд, на 160 — удавы, на 164 — псы и на 165 — вороны и сокол.

В общем, по произведенному мною утомительному, но полезному подсчету, на страницах «Жемчугов» г. Гумилева фигурируют 6 стай здоровых собак и 2 стаи бешеных, одна стая бешеных волков, несколько волков-одиночек, 4 буйвола, 8 пантер (не считая двух, нарисованных на обложке), 3 слона, 4 кондора, несколько «рыжих тюленей», 5 барсов, 1 верблюд, 1 носорог, 2 антилопы, лань, фламинго, 10 павлинов, 4 попугая (из них один — антильский), несколько мустангов, медведь с медведицей, дракон, 3 тигра, россобаха и множество мелкой пернатой твари.

Полагаю, что при таком неисчерпаемом обилии всех представителей животного царства, книге стихов г. Гумилева правильнее было бы именоваться не «Жемчуга», а «Зверинец», бояться которого, конечно, не следует, ибо и звери, и птицы — все, от пантеры до последней пичужки — сделаны автором из раскрашенного картона. И это, по-моему, безопаснее. Ибо за поддельных зверей и ответственности никакой не несешь. Совсем не то, что за фальшивые камни, особенно если питаешь тенденцию выдать их за настоящие жемчуга. <...>

